

АНДРЭ
НОРТОН

АНДРЭ
НОРТОН
АРОМАТ МАГИИ

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

МОСКВА
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н82

Andre Norton
SCENT OF MAGIC

Copyright © 1998 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.
Н82 Аромат магии / Андрэ Нортон ; [пер. с англ.
О. Колесникова, Д. Арсеньева]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-699-90012-1

Юная Уилладен обладает способностью распознавать и запоминать запахи. Именно этот дар — или проклятие? — в конце концов приводит служанку с постоянного двора сначала в дом госпожи Травницы Халвайс, которая открывает ей секреты своего мастерства, а затем в замок герцога. Но в замке гнездится Зло: ослепленная жаждой власти дочь его бывшего хозяина Сайлана плетет интриги против наследницы нынешнего правителя Махарт...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© О. Колесников, Д. Арсеньев, перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90012-1

На главной дозорной башне ударил большой колокол — даже самые сведущие книжники города не знали, сколько веков насчитывала эта традиция. Тяжелый вибрирующий звук проник в каждый из старых домов, что расположились на склоне высокого холма, вершину которого увенчал герцогский замок. Хотя на улицах все еще царили зимние сумерки, колокол призвал тех жителей Кроненгрета, кто обеспечивал процветание и безопасность города, пробудиться ото сна и приступить к обычным дневным делам.

Его высочество герцог, услышав этот звон, наверное, мог себе позволить спрятаться под одеяло и продолжать мирно спать на своей огромной кровати, но в тесной каморке (скорее похожей на шкаф, чем на комнату) рядом с кухней «Приюта странников». Уилладен со вздохом поднялась и села, чувствуя, как при каждом движении жесткие соломинки тюфяка колют ее сквозь старую дырявую простыню. Прошли годы, с тех пор как великая чума собрала свой урожай смертей, и сироту по распоряжению магистрата передали двоюродной сестре ее отца в качестве прислуги.

Каждое утро начиналось с одного и того же: вот и сейчас, нащупав на груди маленький мешочек, девушка поднесла его к лицу, глубоко вдохнув аромат измельченных пряностей и трав, прояснявший мысли. Однако сейчас это не помогло избавиться от сильной головной боли.

Уилладен поспешно оделась; ее сильно поношенное платье грязно-серого цвета наверняка когда-то принадлежало более крупной женщине. Она как раз заправляла непокорные пряди волос под косынку, когда раздался грохот, от которого всякий раз внутри у нее все холодело: тетка Джакоба расставляла на длинном столе сковороды и, судя по звукам, сегодня находилась не в лучшем расположении духа. Грохот и запахи — именно с ними Уилладен приходилось бороться каждое утро. Что ж поделать: кухня — не цветущий сад, ублажающий взоры и обоняние какой-нибудь знатной дамы, с этим вряд ли кто поспорит.

— Уилла... а ну иди сюда немедленно, ленивая девка! — Голос, похожий на скрежет ножа по котлу, перекрыл шум, доносившийся с кухни. Даже когда тетка пребывала в хорошем настроении, попадаться ей под руку не следовало. На пороге девушке удалось увернуться от тяжелой пивной кружки, которая, не будь Уилладен столь ловка и привычна к «приветствиям» Джакобы, наверняка сбила бы ее с ног.

Что ж, пора приступать к своим обязанностям, обжаривать нарезанный крупными кусками бекон — как всегда несвежий. Хозяйка постоялого двора сэкономила на всем, когда это касалось

большей части постояльцев, главным образом на завтрак: может, они спросонья не разберут, что кладут себе в рот...

В тесном помещении с закопченным потолком царила суета: тетка размешивала кашу в большом котле — эту незатейливую еду поставили на медленный огонь еще с вечера; Фигис, мальчик на побегушках, с грохотом швырял на стол миски. Он поспешно отвернулся, увидев девушку, но она успела заметить синяк под глазом. Между Фигисом и Джоргом, прибиравшимся в комнатах, шла незатихающая война.

Уилладен принялась кромсать бекон ножом, который прошлым вечером должен был заточить Фигис. Поскольку он поленился это сделать, из-под лезвия выходили не ровные ломти, а какие-то ошметки, которые она побросала в сковороду и, опустившись на колени прямо в золу, поставила на угли.

Ссутулившись, девушка терпеливо ждала, пока обжарится мясо, твердо решив не привлекать к себе внимание сварливой родственницы, хотя более всего сейчас ей хотелось вытащить свой мешочек-амулет, используя его как защиту от запаха горелого жира. Что касается тетки, то сейчас она нарезала остатки вчерашнего каравая, успевшего изрядно зачерстветь. Затем на большие ломти хлеба следовало разложить куски обжаренного бекона и сыра. Еда, конечно, далеко не лучшего качества, зато величина порций обрадовала бы голодного человека.

Глядя на огонь, Уилладен погрузилась в невеселые размышления. Да, судьба явно не бла-

говорила ей: Уайч все-таки остался на ночь. Когда девушка буквально уползла спать к себе в каморку, две последние свечи в зале успели догореть почти до конца, а толстяк все еще сидел там, втиснув грузное тело в самое большое кресло на постоялом дворе. Даже крепкий сидр не забивал запаха, присущего Уайчу. И дело было не только в немытом теле или засаленной одежде: девушка понимала это. Однако по временам под крышей постоялого двора появлялись гости, приносившие тот же недобрый запах, надо сказать — на редкость отвратительные типы! Нужно обязательно спросить у Халвайс...

— Если мясо подгорит, я тебе самой пятки прижгу!

Уилладен поспешно выволокла сковороду из очага, ее дно заскрежетало по камню. Хотя девушка и замотала руку чем только могла, но, неся тяжелую сковороду к столу, она все равно ощущала сильный жар.

Джакоба принялась с пристрастием изучать бекон. Наконец, видимо признав результат удовлетворительным, она начала раскладывать кусочки мяса и сыра на хлеб: по одному на каждый кусок. Последняя порция, вдвое больше, разумеется, предназначалась для Уайча. Осторожно наклонив сковороду, Уилладен полила каждый ломоть жиром.

Фигис ушел, прихватив с собой поднос с кашей и горшком меда, чтобы подсластить не слишком аппетитное содержимое мисок, и через некоторое время вернулся за хлебом с мясом.

— Купец из Бресты, — начал он, предусмотрительно стараясь держаться подальше от Джакобы, — жаловался, что в его каше — таракан. Вот... — Он поставил миску на стол. Да, никаких сомнений: крупное черное насекомое шевелило лапками.

— Купец сказал, что сообщит властям, и еще что-то насчет мяса, которого не заказывал... — Мальчишка отпрыгнул в сторону, увернувшись от тяжелой затрещины, которую собиралась закатить ему хозяйка, подхватил поднос и исчез прежде, чем Джакоба успела обойти вокруг стола.

Глуповат Фигис, ничего не поделаешь. Тетка никогда не жаловалась на память: рано или поздно парню придется держать ответ за все его дерзости. Впрочем, серьезные неприятности грозили и Джакобе, если в магистрат поступят жалобы на нее, но для Уилладен в этом не было бы ничего удивительного. С первого дня своей работы на постоялом дворе она не переставала удивляться тому, что тетка все еще остается его хозяйкой, несмотря на вопиющую грязь и дурное качество пищи, подаваемой здесь.

«Приют странников», разумеется, принадлежал самой Джакобе; однако, с другой стороны, владельцем всех зданий в городе являлся герцог, даже в том случае, если какая-то семья много поколений жила под этой крышей, так что нынешняя хозяйка «Приюта» без труда могла оказаться на улице. Но несомненно, у герцога предостаточно своих забот, и ему не до того, чтобы задумываться о неряшливости и скверном характере содержателей постоялых дворов.

Прошло уже пять лет с тех пор, как великая чума возвела Уттобрика на герцогский престол. Дальний родственник покойного герцога оказался единственным мужчиной в семье, которому повезло пережить это время чудовищных смертей. Однако был еще один человек, состоявший в гораздо более близком родстве с прежним властителем Кроненгрета, — его дочь, леди Сайлана. Чума сделала ее вдовой, но у нее остался сын (которого, по счастью, не было в городе, когда разразилась беда), и люди многозначительно приподнимали брови и кивали при упоминании его имени, а некоторые даже шептались потихоньку о том, что именно сын госпожи Сайланы — законный наследник герцогской короны. Таким образом, у нынешнего герцога имелся соперник — мнимый, — поскольку законы Кронена на этот счет по-другому истолковать было невозможно, и право Уттобрика на престол, в соответствии с ними, не оспаривалось.

— Живо поднимайся наверх, девчонка, — велела Джакоба. — Уайч хочет с утра прополоскать горло. Да постарайся получше ему услужить... Хм-м...

Это «хм-м» прозвучало настолько двусмысленно, что Уилладен невольно задержалась на пороге.

— Остался двадцать один день до того, как по закону ты станешь взрослой женщиной, несмотря на твою неуклюжесть и глупость. Подумать только! Возиться с хорошей едой — и заявлять, что тебя от нее тошнит!.. Это все твой несносный

характер, который заставляет тебя перечить тем, кто выше и лучше тебя! Сама-то ты не слишком хороша, но Уайчу приглянулась, так что нечего мрачно смотреть на него. Поскольку магистрат поручил мне опеку над тобой, у меня есть право выбрать мужчину, который заберет тебя отсюда. С глаз, как говорится, долой — из сердца вон. Да, должно быть, Уайч сумасшедший, если ты ему нравишься. А теперь — ступай и будь с ним полубезнее. Радуйся, что тебе достанется муж с полным кошельком.

Благодаря своим речам тетка заметно воодушевилась, к тому же ей доставляло удовольствие наблюдать за девушкой: Уилладен прекрасно понимала, что ужас, который внушала ей сама мысль о подобном будущем, ясно читался на ее лице.

Халвайс — о, если бы только она могла добраться до Халвайс!.. Впрочем, девушка не была уверена в том, что госпожа Травница хотя бы выслушает ее. С тоской Уилладен вот уже в который раз подумала о тихой лавочке, о том покое, который сулило бы ей это место. Как хотелось бы девушке стать служанкой Халвайс, заботиться о ней, готовить еду! Ведь она умеет готовить, только здесь редко предоставляется такая возможность... Но право самой хоть как-то решать свою судьбу она обретет через целых двадцать дней — а Уайч ждал, и Джакоба уже направлялась к ней, подняв сжатую в кулак руку... Уилладен, прижав руки к груди, словно слабый запах, исходивший от амулета, мог хоть как-то защитить ее, пошла исполнять приказание.

Проскользнув в дверь и оглядевшись, она увидела, что большое кресло, в котором обычно восседал Уайч, пустовало; но радость почти мгновенно иссякла: оказывается, мерзкий толстяк стоял у окна, демонстрируя всем прочим гостям «Приюта странников» широченную жирную спину, заслоняя падающий из окна свет.

В зале, помимо Уайча, находилось еще четверо посетителей в прочной, хотя и поношенной, одежде из кожи и плотного льна — так предпочитают одеваться купцы и торговцы, которые часто вынуждены путешествовать. У всех четырех были знаки принадлежности к их гильдии, а это означало, что они в пределах Кронена находятся под защитой законов герцогства. Впрочем, сами по себе законы не могли защитить торговцев от тех, кто оные законы нарушал...

Старший из четверых тыкал ножом в полуобгоревший ломтик бекона; на его лице явно читалась брезгливость. Он был очень аккуратно одет, короткие седые волосы колечками выбивались из-под шапки, а на той руке, в которой он держал нож, поблескивало кольцо с драгоценным камнем. Наконец седоволосый оттолкнул прочь кусок покрытого жиром хлеба и издал глубокий горловой звук, привлечший внимание его спутников. Двое из них явно были ниже рангом; третий, самый юный, походил на старшего: точно такой же широкий нос и маленький рот. Скорее всего, это был сын седоволосого.

— Охрану дорог опять сократили, — в голосе старшего слышался гнев. — Мы видели большой

отряд, спускавшийся с западных гор, и не похоже, чтобы смена спешила на их место. Говорю вам, тот, кто отдает такие приказы, предает нас, как овец в руки мясника!

Оба его спутника согласно закивали; самый младший с испугом взглянул на него.

— Дела высокородных, — продолжал он, — редко решаются к нашему удовольствию. Помните, чума — не единственное бедствие. Никогда прежде не было, чтобы люди Кронена восставали против Кронена, чтобы герцогская кровь обращалась против себя самой. Однако... — Он умолк и пожал плечами.

Кружка в руках Уилладен была полна, но ей мучительно не хотелось приближаться к массивной фигуре у окна. Может, ей удастся проскользнуть к столу, поставить на него полную кружку и забрать пустые так, что он не обратит на девушку внимания?..

Однако и этим надеждам не суждено было оправдаться. Пожав массивными плечами, Уайч повернул голову, отводя взгляд от грязного пузырчатого стекла. Его маленькие темные глазки на толстом, заплывшем жиром лице напоминали две высохшие изюминки, воткнутые в тесто. Рот завсегдатая «Приюта» растянулся в улыбке, которая, по его представлениям, означала радость.

— Отличная это штука, верно, девочка? — Сделав шаг от окна, он протянул руку к ней. Уилладен быстро сунула кружку в мясистую ладонь; Уайч принялся глотать ее содержимое, однако свободной рукой уперся в стену, преграждая путь

к отступлению. Затем, оторвавшись от кружки, он принялся оценивающе оглядывать девушку с головы до ног.

Уилладен показалось, что отвратительный запах, исходивший от него, — тот, которому она не могла подобрать названия, — усилился. Ее едва не затошнило.

— Худенькая, кожа да кости, — со вздохом произнес Уайч, — зато молодая; и Джакоба клянется, что ты еще девица. Ну, теперь тебе недолго ею оставаться.

Прежде чем она успела отстраниться, толстяк, наклонившись, поцеловал девушку; Уилладен ша-рахнулась к стене.

— Да, сделка, думаю, стоит того. Хозяйка говорит, ты умеешь готовить; что еще нужно мужчине, когда перед ним накрытый стол, а ночью есть кому согреть его ложе? Ты пуглива, как ягненок, — кончиком языка он облизнул толстые губы. — Но я таких люблю; их не приходится долго приручать...

Однако вдруг Уайч перестал разглядывать ее; девушка услышала, как входная дверь — дверь, ведущая к свободе, — открылась. Может, сбежать? Но тогда ее могут объявить бродягой, выгнать из Кроненгрета — хотя вряд ли Джакобе захочется потерять свадебный выкуп... Уилладен услышала звон маленького колокольчика: вошли две женщины в широких накидках, их лица закрывала вуаль. За ними торопилась девочка в неярком платье, с тяжелой корзиной, ноша заметно оттягивала ей руку. Очевидно, у Сестер Обители Сияющей Звезды был удачный день: подаяние,

которое собрали они в харчевнях и домах знать в этой части города, едва ли не переполняло корзину.

— Пища для тех, кто голодает. — Первая женщина, переступив через порог, снова зазвонила в колокольчик; то же сделала и ее спутница.

Заскрипели стулья; четверо купцов поднялись и поклонились женщинам. Старший подошел, роясь в поясном кошелье, и Уилладен заметила, как в его руке блеснуло серебро.

— Великая, которой вы служите, была благосклонна ко мне. — Сестра протягивала купцу увесистый мешочек, куда тот и опустил пожертвование; его спутники последовали примеру старшего.

— Какую молитву нам вознести за вас? — спросила женщина. Сквозь густую вуаль почти невозможно было различить черты лица.

— Молитву о благополучии в пути — за меня, Джакара из Бресты, и за моих спутников. В наши дни такие молитвы могут очень пригодиться, Сестра.

— Зло всегда поджидает там, куда не проникает свет, — ответила та; в это время в зал вошла Джакоба.

— Что тут творится?.. — начала было хозяйка постоялого двора, но, разглядев женщин, замолкла. — Ты, — обратилась она к Уилладен, — если закончила с гостями, вытри-ка столы!

Девушка была благодарна тетке за это приказание: оно дало ей возможность улизнуть от Уайча. Служанка Сестер подняла корзину, намереваясь поставить ее на стол, пока Уилладен по-